

Стоило Люй Чжи потерять сознание, как обе семьи, ещё минуту назад яростно тянувшие его каждая на свою сторону, мигом рассыпались в разные стороны, будто он стал злым духом, которого нужно опасаться. Каждая из сторон теперь яростно отнекивалась:

— Люй Чжи из твоего брюха вылез, к моей семье он никакого отношения не имеет! — старая Цао попяtilась, морщась так, будто боялась, что на неё перенесётся беда.

Мать Люй вытаращила глаза, уставилась на Цао и тут же выплюнула:

— Говорят же: отданный в чужой дом гер - словно вылитая вода! Люй Чжи вышел замуж в вашу семью, его имя записано в вашу родовую книгу, значит, он - ваш человек! - она с явным удовольствием вернула старой Цао её же прежние слова.

Когда это словесное свинство достигло пика, к месту прибежал деревенский староста, которого уже успели позвать встревоженные жители. Увидев, что две семьи одновременно отпихивают друг друга, стараясь не то что не взять Люй Чжи, но даже не прикасаться к нему, староста так взъярился, что борода встала дыбом, а глаза полезли из орбит.

— Да человек ещё не умер! — хотелось ему крикнуть.

Но то, что Люй Чжи лежал без кровинки в лице, едва дыша, не могло не вызывать суеверного страха. Деревенские больше всего боялись занести домой «умирающего»: если человек уснет вечным сном под твоей крышей, в дом якобы надолго приходит беда. Даже добрая тетка Чжао Даньгуй, которая только что была готова защищать Люй Чжи грудью, теперь заметно переминалась с ноги на ногу: сердце жалело, но разум и страх нашёптывали другое.

Они перетащили потерявшего сознание Люй Чжи в тень под деревом, уложили там, чтобы он пришёл в себя. Лин Си принёс стул, чтобы Люй Чжи мог прислониться и отдышаться. Староста велел самому быстрому парню в деревне бежать за доктором.

Разобравшись наконец, что произошло, староста посмотрел на обе семьи и долго не мог выдать ни одной связной фразы от возмущения.

— Я перед отъездом что вам говорил?! — наконец взорвался он. — За все эти годы Люй Чжи, выйдя замуж в вашу семью, служил вам честно и старательно! Пусть не герой, но пахал, как вол! А вы его, едва он заболел, выкинули за порог, будто он падаль! Не боитесь навлечь кару небесную?!

Старые супруги Цао втянули головы в плечи, лица у них были сплошь из страха и стыда.

Мать Люй, что прежде с удовольствием наблюдала за разносом в адрес семьи Цао, ещё секунду назад самодовольно хмыкала, но староста тут же развернул гнев и на неё:

— А ты, мать Люй Чжи! Если бы я своими глазами не видел, как ты девять месяцев носила его под сердцем и родила, я бы подумал, он тебе вовсе не родной! Кто ж так рвётся продать собственного ребёнка?! Денег нет - так гони своих бездельников работать! Прекрати перекладывать всё на Люй Чжи и пытаться снова продать его, как вещь!

Мать Люй попыталась огрызнуться, но староста одарил её таким грозным взглядом, что она сразу же захлопнула рот.

Лин Си уже было хотел заплодировать старосте, но к концу тот всё же выбрал путь примирения: велел семье Цао забрать Люй Чжи обратно и жить с ним по-человечески, а матери Люй - отменить уже обещанную сделку и впредь не тянуть руки к сыну, раз сама же только что кричала, что «выданный в чужой дом гер - словно вылитая вода».

В это время прибежал деревенский доктор - запыхавшийся, весь в поту. Толпа тут же расступилась, освобождая место, чтобы он мог осмотреть Люй Чжи. Чжао Даньгуй выжидающе глядела на лицо лекаря, боясь услышать дурной приговор.

Осмотрев Люй Чжи, травник тяжело сдвинул брови, лицо его посуровело:

— Этот гер и так был сильно истощён. Он только что пережил выкидыш, кажется, ещё и простудился, а резкие переживания довели до обморока. Если его сейчас не лечить как следует, боюсь, никакие лекарства не помогут.

Первой заголосила старуха Цао:

— Так это... много серебра понадобится?

Все взгляды обернулись к ней. Под этими взглядами она ступсевалась, сморщилась и буркнула:

— В деревне все знают, как у нас плохо с деньгами... У нас и так два больных, мы не сможем их долго содержать...

Второй больной, о котором говорила старуха Цао, - это, разумеется, её второй сын, муж Люй Чжи.

Травник ничего не стал утаивать и честно сказал:

— Деньги - это одно. Но главное - никаких тревог. Больному нужно спокойствие и тщательный уход.

Иными словами: Люй Чжи отныне каждый день должен пить лекарства, не поднимать тяжестей, не переутомляться, а ещё чтобы рядом кто-то бережно присматривал, не допуская

сильных переживаний. Прямо фарфоровая статуэтка, и кто ж захочет такую содержать?

Старики из семьи Цао сразу поникли, а мать Люй и вовсе выглядела так, будто готова развернуться и убежать.

— Тоже мне, «выкидыш»... — буркнула старуха Цао. — Чего ты нагнетаешь! Деревенские люди крепкие: поест побольше и всё пройдёт.

Она уже почти тыкала лекарю в нос, обвиняя в неумении. Лекарь, впрочем, не обиделся. Сел, прописал рецепт и сказал, что уж брать ли лекарства - их дело.

Затем поднялся и спокойно напомнил:

— За вызов на дом - десять вэней, прошу оплатить.

Старуха Цао взвизгнула:

— Одним глазом глянул - и десять вэней!? Да ты грабишь людей!

- Что ещё за плата за вызов? — фыркнул старик Цао. — Никогда о таком не слышал. Сам придумал, что ли?

Травник давно работал по окрестностям и навидался всяких людей - среди них хватало и проходимцев, которые норовили не платить. Так что подобные выкрутасы семьи Цао его ничуть не удивили.

Люй Чжи, находящийся в полубессознательном состоянии, услышал пронзительный голос старухи Цао. Постепенно приходя в себя, он понял, что она спорит из-за десяти вэней, которые лекарь потребовал за визит. Он с трудом открыл глаза. Перед глазами всё плыло, но затем стало понемногу проясняться. Он увидел: ещё недавно его мать будто бы рвала глотку, защищая его, а теперь стоит подальше, лишь бы лекарь не попросил денег. А свекровь, о которой он всю жизнь заботился до последней мелочи, жалеет даже десять вэней, уж не говоря о средствах на лечение.

В этот миг Люй Чжи словно снова оказался в холодной реке - тело сводит дрожью, воздуха не хватает, он тонет в ледяной тьме. Он изо всех сил пытался поднять руку вверх.

- Спасите меня... хоть кто-нибудь... спасите...

Сквозь искажённую водную поверхность он смутно увидел на берегу стройную, худощавую фигуру, стоящую прямо, будто вычерченную линией. Люй Чжи открыл рот - в лёгкие ворвалась ледяная речная вода, обжигая внутренности. Он распахнул глаза, из последних сил пытаясь

позвать на помощь. Человек на берегу смотрел на него спокойно, но этот взгляд, острый как стрела, словно прорезал толщу воды. Люй Чжи разглядел лицо и услышал, как тот говорит ему: «Спаси тебя можешь только ты сам.»

Пульс гулко застучал - ту-дум, ту-дум, ту-дум! Сердце, почти погасшее, вдруг вспыхнуло заново, отчаянно, яростно, словно цепляясь за жизнь.

Люй Чжи тайком сжал кулаки, сделал глубокий вдох и, открыв глаза, вновь обрёл ясность во взгляде.

Он закашлялся, и дыхание постепенно выровнялось. Он повернулся к Лин Си, сидящему рядом, и хриплым, сорванным голосом спросил:

- Лин Си... можешь... одолжить мне десять вэней? Как только заработаю деньги - сразу отдам.

Задумавшегося Лин Си голос Люй Чжи вернул к реальности. В тот миг, когда их взгляды встретились, зрачки Лин Си чуть расширились, а затем он улыбнулся:

— Конечно. Можешь не спешить с возвратом.

Он отсчитал десять вэней и передал их Люй Чжи. Того подняли и поддержали Чжао Даньгуй и Лю Шуфэнь, когда он, шатаясь, подошёл к деревенскому лекарю.

— Спасибо вам... простите за беспокойство, — выдохнул он.

Лекарь принял медяки, во взгляде промелькнуло что-то сложное. Он доброжелательно напомнил:

— Нельзя ни сильно радоваться, ни сильно горевать. Ешьте тёплую, укрепляющую пищу.

Люй Чжи удивился, но на его осунувшемся лице впервые за долгое время появилась улыбка. Он снова поблагодарил. Лекарь махнул рукой, закинул за спину короб с лекарствами и ушёл, оставив всех переглядываться в немом недоумении.

Тут старуха Цао, увидев, что Лю Чжи сам занял денег и расплатился, взвилась:

— Ты что, богатый, что ли, такой щедрый?! Это же явно обман, а ты ещё и платишь! С головой не дружишь, что ли!? И даже не думай возвращать долг серебром от продажи нашего семейного вина! Это всё принадлежит семье Цао, твоего там ни крошки нет!

- Слышала я раньше, что старая Цао ругается страшно, — пробормотала одна тетка, — но

сегодня уж точно мои глаза открылись. Своего же человека так обложить... Как Люй Чжи раньше всё это терпел-то?

- И верно, — подхватила другая. — Вон, деревенский староста ещё не ушёл, а она уже при нём Люй Чжи в нос тычет, ни капли уважения!

Жар стоял удушливый, голоса людей жужжали, как рои назойливых мух, сводя всех с ума.

Староста уже набрал воздух, чтобы рявкнуть и разогнать толпу, как вдруг услышал:

— Раз уж все здесь... Тогда прошу быть свидетелями. Я, Люй Чжи, хочу развестись с Цао Гуем.

— ЧТО?!

На месте окаменели все, кроме Лин Си и Хо Цзюя.

Даже староста остолбенел. Он, конечно, жалел Люй Чжи, но даже в мыслях не держал предложить ему разойтись с мужем. В представлении здешних крестьян разрыв брака - почти как гром среди ясного неба. Даже если муж бьёт жену до полусмерти, о каком разводе может идти речь?

Разведённой женщине или геру в этом мире почти не выжить: одни пересуды чего стоят - люди будут тыкать пальцами, плевать вслед. А если, как у Люй Чжи, родительский дом ненадёжный, то после развода ему и вовсе идти некуда - ни крова, ни защиты.

Женщины и фуланы из деревни наперебой стали уговаривать Лю Чжи:

— Не говори сгоряча! Как можно так просто разойтись?

Но мать Люй Чжи, напротив, вспыхнула радостью, глаза загорелись. Она растолкала людей, ухватила сына под руку, чуть ли не прижимаясь:

— Правильно, давно пора было порвать с такой семьёй! Мама тебе подберёт нового мужа, того, кто будет тебя жалеть, любить, ухаживать!

Люй Чжи взглянул на неё холодно, так холодно, что у женщины по спине пробежал мороз. С детства он был безвольным, покорным, никогда не перечил. Она привыкла, что сын слушается беспрекословно. Но сейчас впервые он посмотрел на неё так, будто она ему чужая.

Её пальцы сами разжались, и Люй Чжи выдернул руку, отступив на шаг.

— С этого дня у меня нет ни семьи Цао, ни семьи Люй. Мы - не родня.

Толпа замерла.

Люй Чжи, который всю жизнь молчал, терпел, сглатывал обиды... Тот самый кроткий человек, которого свекровь могла вышвырнуть во двор и оставить без еды... Вдруг поднялся и пошёл против всех.

Как гром среди ясного неба.

— Тьфу! — заорала мать Люй. — Ты из моего живота вылез, а теперь вздумал со мной родство рвать?! Окреп, да? погоди, я тебя, маленькая дрянь, живьём укатаю!

Она вскинула руку, собираясь ударить сына. Но Лю Шифэнь - рослая и крепкая, как наседка, защищающая цыплёнка, шагнула вперёд и заслонила Люй Чжи собой. Мать Люй так и не смогла дотянуться до него.

— Старая ведьма! — рявкнула Лю Шифэнь. — Только что сама вопила, что «вышедший замуж гер - словно выплеснутая вода», а теперь вцепилась в него! Ты совесть совсем потеряла?!

К ней тут же присоединилась Чжао Даньгуй - вдвоём они оттеснили мать Люй так, что та лишь подпрыгивала на месте от злости.

Староста чувствовал, что голова вот-вот треснет. Он потёр почти лысеющий затылок и строго переспросил:

— Ты точно решил? Хочешь развестись по-настоящему? Это не шутка, дороги назад не будет.

Губы Люй Чжи дрогнули, глаза увлажнились, но он поднял голову. И в его взгляде больше не было прежней покорности - только твёрдость, будто закалённая сталь.

— Староста, я хочу развестись.

Староста, увидев эту решимость, тяжело вздохнул:

— Ладно... раз решил, так тому и быть.

Старики Цао онемели. Они ведь ни слова не успели сказать о том, что не хотят Люй Чжи, а этот Люй Чжи вдруг сам первым «бросил» их А-Гуя?!

— Ты, распутная дрянь! — взвыла старуха Цао. — Наверняка завел себе любовника! Иначе с

чего бы тебе так орать о разводе? Даже не мечтай, что мы согласимся!

Лицо Люй Чжи стало ещё бледнее, даже с оттенком синевы. Он из последних сил решился на развод, а те, кто сам выгнал его из дома, теперь вдруг не согласны? Он уже не понимал, чего эти двое хотят. Им просто нравится его мучить?

Старуха Цао раскрыла рот, собираясь продолжить брань, но вдруг что-то ярко блеснуло у неё перед глазами. Вспышка света больно резанула по зрачкам - она непроизвольно отшатнулась и начала искать источник. И тут её взгляд наткнулся на знакомый силуэт ножа - того самого, что едва не вонзился ей в лицо. Она медленно подняла глаза выше и увидела юного, утончённого, почти изящного красавца. Юноша лениво вертел в пальцах тот самый кинжал. На слишком красивом, почти безобидном лице ни тени напряжения, лишь праздное, ленивое спокойствие. Но когда его лёгкий, пустой взгляд скользнул по лицу старухи Цао, её прошибло холодом с головы до пят.

Старая кожа на висках задрожала, словно её ударил мороз, а помутневшие зрачки судорожно сжались. Она снова вспомнила, как близко лежащее к её щеке лезвие едва не прорезало ей кожу. И внезапно ей стало трудно дышать.

— Да... да, согласны, мы согласны... — старуха Цао уже не могла заставить себя вспоминать недавний ужас. Всё её тело тряслось, зубы постукивали.

Если этот юноша ещё хоть секунду будет смотреть на неё своими глазами, она... она, пожалуй, и правда обмочится. С таким лучше не связываться. Совсем.

Даже такой робкий и затурканный человек, как Люй Чжи, понял: со старухой Цао что-то неладно. Он оглянулся и как раз увидел, как Лин Си ловким движением прячет кинжал... за пояс Хо-далана.

Глаза Люй Чжи резко расширились. А в груди неожиданно стало тепло, будто кто-то тихо, незаметно зажжёт там маленький огонёк.

Поскольку сам Цао Гуй передвигался с трудом, бумагу о разводе составил деревенский староста. Документ передали родителям Цао Гуя, чтобы те отнесли домой и заставили сына поставить отпечаток пальца.

Цао Гуй, которому давно опостылел Люй Чжи, давно стал похожим на старика в свои-то тридцать лет, и кроме «дней, подходящих зачатию» вообще не желал прикасаться к супругу. Разумеется, он поставил отпечаток без малейших возражений. Поэтому процедура развода прошла необычайно гладко.

До осеннего урожая было ещё далеко. Хотя рассаду высаживал Люй Чжи, и поле всё лето держалось на нём одном, семейство Цао вцепилось, как пиявки:

— Никакого зерна ему не дадим!

Что же касается приданого... С учётом того, как семья Люй привыкла продавать своих детей, неудивительно, что никакого приданого у Люй Чжи никогда и не было. После развода Люй Чжи, по сути, оказался на улице ни с чем.

Чжао Даньгуй настаивала, чтобы он жил у неё и дальше, но Люй Чжи не хотел отягощать их семью. Он решил отправиться в уездный город и временно поселиться в Приюте Цзиши, а затем найти себе работу. Руки-ноги целы, значит, сможет и сам себя кормить.

Приют Цзиши был учреждён государством для тех, кто оказался в безвыходном положении: подкинутые младенцы, одинокие старики... Там же нередко обитали и женщины и геры, которых выгнали из домов, и вдовы, у которых родня мужа отобрала жильё.

Решение Люй Чжи было окончательным. Раз Чжао Даньгуй не смогла его уговорить, ей оставалось только вздохнуть и смириться.

В этот день Люй Чжи пришёл проститься с Лин Си. Говоря слова благодарности, он вдруг стал опускаться на колени, намереваясь отбить Лин Си поклон за спасённую жизнь. К счастью, Лин Си среагировал быстрее и одним движением подхватил его под локти, не дав упасть на землю.

- Не надо! Я ещё боюсь себе век укоротить, — Лин Си смущённо почесал пальцами ногу, будто пряча неловкость.

Люй Чжи в оцепенении смотрел на него, всё ещё не успев осознать, как его только что одним рывком подняли с земли.

- Ты... ты такой сильный... — прошептал он.

Впервые в жизни он видел настолько сильного гера, и от этого у него даже полегчало на душе: значит, можно не бояться, что семья Цао или его собственные родственники посмеют прийти и мстить Лин Си.

Люй Чжи объяснил Лин Си свои дальнейшие планы, затем взглянул на солнце - пора в путь. Он попрощался с Лин Си и Хо Цзюем.

Лин Си проводил его до большой дороги. И в этот момент издали с клубами пыли примчалась роскошная карета. Лин Си резко дёрнул Люй Чжи назад, оттаскивая его с дороги.

Неожиданно карета остановилась прямо перед ними. Из окна высунулся мужчина с перекошенным набок головным убором и громко изрыгнул:

- Буэээ...

Лин Си брезгливо отпрянул назад несколько шагов.

А вот у Люй Чжи кровь застыла в жилах. Руки и ноги похолодели, а под палящим солнцем он вдруг ощутил леденящий мороз - будто его обнажённого бросили в прорубь.

- М-мо... молодой господин, это он! Это тот самый гер, которого мы разыскивали! — возница, забыв страх, радостно обернулся к карете и крикнул внутрь.

Изнутри, держась за стенку, шатко выбрался мужчина.

- Да чтоб меня! — выругался он. — Дорога - дрянь, как овражная канава! Больше я сюда ни ногой!

Взбешённый, он с силой пнул колесо и тут же вскрикнул от боли, запрыгал на месте, скривившись.

Люй Чжи наконец увидел его лицо ясно - без тумана, без иллюзий. Не обознался. Именно этот человек стал причиной того, что он потерял ребёнка.

Возница поспешно спрыгнул с облучка и начал хлопать молодого господина по спине, пытаясь помочь тому отдышаться. Когда мужчина немного пришёл в себя, он с холодным презрением скользнул взглядом по лицу Люй Чжи и спросил возницу:

— Ты точно уверен, что это он?

Молодой кучер затряс головой так усердно, будто боится, что его заподозрят в ошибке:

— Точно, точно, молодой господин. Это он. Я никогда не забуду, как он тогда лежал в собственной крови.

Мужчина кивнул, словно подтверждая что-то самому себе. Он вынул из рукава тяжёлый кожаный мешочек и швырнул его Люй Чжи в грудь.

— Здесь пятьдесят лян. На лечение хватит. С этого момента дело считаю закрытым. И запомни: если до моих ушей дойдут какие-то сплетни... тебе же хуже будет.

Мягкий удар мешочка по ребрам прозвучал громче, чем любой выстрел.

Виновник, конечно, явился «извиниться», вот только в его поклоне не было ни капли

сожаления. Скорее это походило на угрозу, замаскированную под подачку.

Лин Си одним взглядом оценил одежду и манеры молодчика и всё понял. Очередной разнеженный сынок богатого дома, для которого человеческая жизнь - пылинка на сапоге.

Люй Чжи сжимал мешочек с серебром так, что костяшки побелели. Его глаза налились кровью. Он так хотел броситься и придушить этого человека... но удержался. Он не имел права втянуть Лин Си.

Молодой господин презрительно фыркнул, развернулся и уже собрался подниматься в карету. Но едва занёс ногу, как вдруг дёрнулся, словно ему подрезали сухожилие, весь навалился на борт кареты и по колено шлепнулся в грязь.

— Ай! Да чтоб меня!.. Больно же, мать вашу! — завопил он, корчась на коленях посреди раскисшей дороги.

<http://bllate.org/book/13580/1204874>